

ЮНОСТЬ

4

9 770132 203600

№4/2020

16+

Литературно-художественный журнал
Журнал «Юность» №04/2020

Серия «Журнал
«Юность» 2020», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67774904

*Журнал «Юность» №04/2020: Редакция журнала «Юность»; Москва;
2021*

Аннотация

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года.

Содержание

Литература молодых, или Как угадать время	7
Владимир Григорьев	7
От редакции	11
Поэзия	16
Евгения Джен Баранова	16
Говорит со мной овощебаза	18
«Больной ребенок, выживший птенец...»	18
«Посидим обнявшись, что ли...»	19
Славе Ставецкому	19
«Говорит со мной овощебаза...»	20
«С тоненькой шеей в высохшем свитерке...»	21
Григорий Медведев	22
Дом	23
Василий Нацентов	26
«Нет, ничего, и страдание снега недолго...»	27
«Ты проснешься тихая, смешная...»	28
«темнота стоит по углам...»	29
«о-кажется не скажешь и полслова...»	29
«Нащупать спинку стула...»	30
Анна Ревянина	31
«У меня есть брошь из Белграда...»	33
«До чего же стыдно...»	34

«Когда мне надо говорить о моем Донцке...»	36
«Папа снлся...»	39
Проза	40
Игорь Белодед	40
Бегство Аттиса	41
Анаит Григорян	49
Лето девяносто восьмого	50
Сергей Кубрин	83
Начальник тыла	84
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Журнал «Юность»

№ 04/2020

© С. Красаускас. 1962 г.

На 1-й странице обложки рисунок Настасьи Поповой
«Фантазийный дом»

Литература молодых, или Как угадать время

Владимир Григорьев

Заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Четыре года назад Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Литературный институт имени Горького, Ассоциация литературно-художественных журналов и Российский книжный союз совместно с корейской группой компаний «Лотте» учредили премию «Лицей» для прозаиков и поэтов, делающих свои первые шаги в литературе. Результаты четырех лет работы премии оказались приятно неожиданными даже для искушенных литературоведов и критиков.

А работа действительно была проведена большая! Эксперты и члены жюри «Лицея» – известные писатели и критики, редакторы литературно-художественных журналов и издательств – рассмотрели более десяти тысяч работ молодых дарований и счастливо приветствуют новое и, несомненно, очень талантливое поколение в современной русской литературе.

Конечно, «литературное поколение» – понятие спорное; писательство – труд одиночек. Но насколько бы индивидуален ни был труд литераторов, творческому человеку, так же как и читателю, нужен собеседник, он стремится «угадать время», в котором живет и работает, дать *свой* отпечаток на страницах романа, повести, рассказа, стихотворения. Да и

время, в которое формируется личность прозаика или поэта, не может не накладывать свой отпечаток. Так возникает диалог – главное в искусстве. Отрочество и юность – самые яркие, самые эмоционально насыщенные жизненные этапы, особенно для человека молодого, – а возраст соискателей премии не превышает 35 лет.

«Лицей» становится самым очевидным способом продвижения молодого автора и в профессиональное сообщество, и к самому широкому читателю. Лауреат «Лицея-2017» Евгения Некрасова вышла в финал «Большой книги», популярные издательства опубликовали работы Кристины Гептинг, Константина Куприянова, Сергея Кубрина, Дениса Безносова, Дарьи Потапенко, Игоря Савельева, Владимира Косогова, Григория Медведева, Евгения Горона, Андрея Фамицко-го, Булата Ханова и других финалистов и лауреатов премии. «Лицейисты» – желанные гости и на страницах толстых журналов.

К лету в Корее планируется выход сборника «Выдающиеся молодые писатели России», составленного из произведений лауреатов «Лицея».

Этот номер «Юности», журнала, который еще в середине 50-х годов прошлого столетия провозгласил своим девизом «Литературу молодых о молодых», составлен из совершенно новых текстов лауреатов и финалистов «Лицея». Эти произведения очень разные, порой противоречивые, но однозначно талантливые, яркие и очень живые. Как, впрочем, и тек-

сты, появляющиеся в последнее время в «Юности». Дорога молодой литературе открыта, а нам остается только наблюдать, как она на наших глазах взрослеет и набирает силу.

От редакции

Новая молодая литература

Премия «Лицей» имени Александра Пушкина заглядывает в завтрашнюю большую литературу.

Этот номер «Юности» выходит, когда уже стартовал четвертый сезон премии, и скоро мы узнаем имена победителей. «Юность», возникшая 65 лет назад как журнал, печатающий «литературу молодых о молодых», остается верна своим традициям. Апрельский номер 2020-го полностью посвящен «Лицею».

Читая свежие произведения его лауреатов и финалистов, мы можем увидеть, чем они живут сегодня, как меняется их авторская манера, что попадает в их писательский фокус.

Название рассказа Игоря Белододе «Бегство Аттиса» отсылает нас к древнегреческому мифу о прекрасном юноше, сблизившемся с нимфой и жестоко поплатившемся за это. Имена первичны, утверждает автор в рассказе: «Все мысли произошли из слов, а следовательно, из имен». Значит, и название оказывается ключом к тексту, хотя на первый взгляд общего у героя с мифологическим Аттисом – только исступление, заставляющее его совершать странные, необъяснимые рационально поступки. Подобно тому как Аттис страдает от проклятия Зевса (по одной версии) или Кибелы (по другой), так и Антон воспринимает свою нынешнюю

жизнь едва ли не как проклятие, и бегство становится единственным выходом.

Рассказ Анаит Григорян полон ярких, точных, противоречивых образов детства. Детства 98-го года, эпохи до мобильных телефонов, когда ребенок, уезжающий на лето в деревню, выключался из городской жизни совершенно, попадал в другой, новый – одновременно бесконечный и герметичный мир.

В стихах Евгении Джен Барановой понятны, легко дешифруемы ситуации, образы, слепки с реальности, ставшие импульсом для их написания. Вот больной ребенок заводит одну пластинку за другой, и квартира расширяется до размеров целого мира, где живы и Высоцкий, и Леннон, а значит, смерти нет. Вот разговор, начатый когда-то с «коллегой по цеху», писателем того же поколения Вячеславом Ставецким. Тема смерти и бессмертия в этой подборке ключевая, и «диалог» с овощебазой – об этом:

*Тихий бог приходит к овощам,
Учит нераспроданных прощать,
Учит пригибаться и терпеть,
Принимать закусочную смерть.*

Смирение и гордыня борются в этих текстах, и пока непонятно, что одержит верх.

«Дом» – пронзительное стихотворение Григория Медведева о семейной памяти как части большой истории. После-

революционная Россия, война, про которую, по сути, одна строка, но какая:

Две крохотные комнаты и одна чуть побольше.

Как они все здесь умещались? —

Прадед, прабабка, четверо их детей

да еще родственники-приживалы.

После войны им стало свободней, втроем.

И в этом «свободней», означающем одновременно и Победу, и потерю большей части семьи, туго закрученная спираль смысла, отсекающая лишние, необязательные слова. Здесь же – не встреча с Буниным, жившим на соседней улице, – и в этой не встрече оказывается больше смысла, чем в любом случайном (что у писателя могло быть общего с прадедом лирического героя?) пересечении.

Проблеме памяти посвящена и поэтическая подборка Василия Нацента о маленьком, но таком живом и реальном человеке перед Вселенной, Богом, историей. Поколение, помнящее о корнях, не обречено, не безнадежно. Особенно когда талантливо. Маленький человек, вышедший из гоголевской «Шинели», – герой и прозы Никиты Немцева. Акакий Акакиевич Башмачкин на новый лад, замечать которого начинают только после смерти. Бытовое, обыденное, противопоставляется Немцевым вселенскому – движению планет, пляске Демиурга, но в то же время становится его частью; эта диаметрально противоположность образует един-

ство мира: «Сёма проваливался в этот зрачок, пролетал заново всю Вселенную, был коридором из отражений, был всем Мирозданием, обнявшим Настю, был Сёмой, был ею, и видел, и понимал: Настя не видела Сёму – она смотрела, вскипел чайник или нет».

Проницаемость границы между жизнью и смертью – в основе рассказов Сергея Носачева. Герой «Честной игры» живет в состоянии постепенной, но необратимой энтропии, апофеозом которой становится пересечение границы: герой засыпает и обнаруживает себя в морге с биркой на пальце. Что это – сон или реальность? Переход в другое измерение происходит у Носачева так легко и внезапно, что йенские романтики бы позавидовали. Второй рассказ, «Музей шкур», тоже с темой смерти и посмертного бытования связан самым непосредственным – и снова весьма неожиданным образом. Энтропия – и в основе рассказа Алены Ракитиной и Людмилы Прохоровой «1989». Текст о саморазрушении, которое затягивает в свою воронку окружающих, о точке невозврата, миновав которую человек оказывается обречен. И пьеса Серафимы Орловой, подобно манновским «Будденброкам», становится историей гибели одного семейства, дошедшей до стадии, когда даже «настоящие вещи» оказываются бессильны.

Рассказ Марии Мокеевой «Подземный покер», написанный нарочито сухо, динамично, отчасти репортажно, раскрывает страшную правду о себе – неожиданную и оглуша-

ющую, – только в последнем абзаце.

Прозу Сергея Кубрина отличают опора на собственный профессиональный опыт, тонкий психологизм и умение рассказать «бытовую» историю. В этот номер вошел рассказ «Начальник тыла» из цикла о следователе Жаркове.

Очень неожиданно представлен в журнале лауреат второго сезона премии «Лицей» Константин Куприянов: после романа «Желание исчезнуть» о попытках найти себя и мирную жизнь после возвращения с войны в Донбассе и повести о тоталитарном расчеловечивании «Новая реальность» – сказка-притча в духе Новалиса о дружбе мальчика с котом, о дворцовых тайнах и суперспособностях, разрушающих реальность, расшатывающих ее границы.

Булат Ханов написал рассказ о первом постсоветском поколении, чье детство пришлось на 90-е. Теперь они выросли и чувствуют, что им пытаются внушить ложные воспоминания: они, выросшие в эпоху «поворота на Запад», теперь сталкиваются с модой на советизацию: «тебе внушают тоску по вещам, которых у тебя и не было никогда».

Завершает номер рецензия на книгу «Остров» Анны Ревякиной, в которой Владислав Русанов размышляет об авторской манере и авторской эволюции поэта, о влиянии городской топонимики на ее стихи.

Тексты, составившие этот номер, очень разные, противоречивые – и очень живые. Как и стихи и проза, поступающие на конкурс четвертого сезона премии «Лицей».

Поэзия

Евгения Джен Баранова

Родилась в 1987 году в Херсоне. Окончила СевНТУ по специальности «информационные управляющие системы и технологии». Большую часть жизни провела в Нрыму. Финалист «Илья-премии» (2006), 2-я премия поэтического конкурса «Серебряный стрелец» (2008), 3-я премия литературного конкурса «Согласование времен» (2010), лауреат поэтического конкурса «Пятая стихия» (2014), призер поэтической эстафеты «Вечерние стихи» (2015), лауреат премии журнала «Зинзивер» (2016), шорт-листер премии «Писатель XXI века» (2017), шорт-листер литературного конкурса «Бежин луг» (2018, 2019), шорт-листер литературной премии имени И.Ф. Анненского (2019), победитель поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира – 2017/18», победитель международного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2018», лауреат премии имени В. П. Астафьева (2018), лауреат премии журнала «Дружба народов» (2018). Финалист премии «Лицей» (2019), обладатель спецприза журнала «Юность» (2019). Автор четырех книг стихов, в том числе «Рыбное место» (2017) и «Хвойная музыка» (2019). Участник арт-группы #белкавкедах

Говорит со мной овощебаза

«Больной ребенок, выживший пленец...»

Больной ребенок, выживший пленец,
но не жилец, ей-богу, не жилец,
идет к комоду, музыку заводит.
И музыка играет в коридор,
шумит камыш – виниловый забор —
горит при непрерывном кислороде.

Так пением до старости расти.
«Таганка» милая, с тобой ли по пути,
по солнечным путям бредет Высоцкий?
Пластинка говорит: «I love you so...»,
ребенок понимает, он спасен
от сырости и ржи автозаводской.

Ребенок понимает, Леннон жив,
и Ленин улыбается. Мотив
плывет, как рыбка в банке с позолотой.
«Так лучше быть богатым, чем» (...хрипок...)
Покачиваясь, спит у тонких ног
пластинка в пузырящихся «колготах».

«Посидим обнявшись, что ли...»

Посидим обнявшись, что ли.
Поглядим в лицо дождю.
Мне сегодня снилось поле.
Фиолетовое поле
посреди бумажных дюн.
Как постыло, как простудно
в нашем садике камней.
Обними меня. Мне трудно.
«Отпусти меня ко мне».
Кольцевая прячет выход.
Даже голос недвижим.
По болоту бродит лихо,
кормит ветер облепихой.
Разговариваю с ним.

Славе Ставецкому

И ты б заискивал, и ты бы
не мог расправиться с собой,
когда б графитовая глыба
вдруг оказалась голубой,

когда б сквозь тело вечер хлынул,

неудержимый, как пчела,
и ты б отыскивал глубины,
учился странного желать.

И обнаружив нож опрятный
и ванну, полную воды,
и ты б давился вероятной
предотвратимостью беды.

Потом курил бы на балконе,
следил за падалками звезд.
Да, ты бы понял, ты бы понял,
что пережить мне удалось.

«Говорит со мной овощебаза...»

Говорит со мной овощебаза:
не сдавайтесь, миленькая, сразу.
Кабачки гниют – не унывают,
словно установка буровая.
Помидоры в собственном желе
продолжают грезить о земле.
Тихий бог приходит к овощам,
учит нераспроданных прощать,
учит пригибаться и терпеть,
принимать закусочную смерть.
Ну а вы заладили – бронхит.

Разве тело стоило хранить?
Разве бездна создана не есть?
Да и воздух кончился не весь.

«С тоненькой шеей в высохшем свитерке...»

С тоненькой шеей в высохшем свитерке
я становлюсь решеткой, а не рекой,
и наблюдаю, как, не храним никем,
ты догораешь радугой корневой.
Вижу, как птицы тело твоё клюют.
Слышу, как звери в бронхах твоих хрипят.
Жизнь оставляет пепельный перламутр
на домовине раннего октября.
Что же мне делать? Щепкой лететь, щеглом
прятаться в клетке? Трещиной речевой
дождь вызывая, выдумать водоем
и заполнять бессильной своей водой?
Что же мне делать? Не прогоняй/гони.
Не догорай/пожалуйста, догори.
Мысленный лес, хранитель, дурак, двойник.
Гладкое яблоко с гусеницей внутри.

Григорий Медведев

Родился в Петрозаводске в 1983 году вырос в Тульской области. По образованию журналист. Лауреат премий «Ли-

цей» и «Звездный билет». Живет в подмосковных Мытищах, работает новостным редактором.

Дом

Я просыпаюсь в доме моего прадеда.

Редкий русский может так о себе сказать.

Я просыпаюсь в доме моего прадеда на рассвете в конце января,

в маленьком городе у реки на границе леса с подстепьем, на Красноармейской (бывшей Подьяческой), ведущей к Красной площади (бывшей Нижней Торговой).

От нее раскинулись улицы, словно пальцы: как если бы, сидя спиной к реке, ладонь положить на землю.

Крепко держали городок в кулаке купцы Нечаевы, Паршины, Грязевы. Девять храмов построили.

Прадед не участвовал, сумел увернуться, ломали другие. Болдин какой-то особо усердствовал, по воспоминаниям, Пестерев и Сопронов.

Все храмы свели на нет.

Потому крестили меня не здесь.

Повезли в деревню за тридевять километров,

вниз по Советской (бывшей Соборной) и дальше.
Тайно, чтобы без неприятностей на работе.

Морозно, окна заиндевели, шумит АГВ.
Две крохотные комнаты и одна чуть побольше.
Как они все здесь умещались? —
Прадед, прабабка, четверо их детей
да еще родственники-приживалы.
После войны им стало свободней, втроем.

А позже мой дед, зятем въехав сюда,
дом расширил: кухню пристроил, веранду,
новые яблони посадил.
В доме тепло, за стеной заснеженные деревья.

На соседней улице, Карла Маркса (бывшей Дворянской),
—
пять сотен шагов отсюда —
Бунины жили в каменном одноэтажном особняке.
Иван у них часто гащивал, у матери с братом.
Написал здесь «Чашу жизни», «Деревню» и прочее.
Я читал, понял почти все слова, я еще русский?

Люблю вообразить их встречу,
Бунина с моим прадедом Алексеем.
Писатель бы яблок купил у него
на Верхней Торговой (сейчас Комсомольской)
или случайно плечами столкнулись бы
где-нибудь на Московской (ныне Свердлова).

Мне приятно думать об этом.
Но нет, не могли.

Я просыпаюсь один в доме моего прадеда,
куда он заселился в середине двадцатых,
как ценный руководящий кадр,
вместо прежних жильцов —
попа с попадъей и их дочек,
чьи имена мы постарались забыть.

Василий Нацентов

Родился в 1998 году в Каменной Степи Воронежской области. Поэт, эссеист. Лауреат Международной премии имени В. Аксенова, Премии правительства Воронежской об-

ласти, финалист и обладатель специального приза премии «Лицей» от журнала «Юность» и др. Печатался в журналах «Юность», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Кольцо А», «Сибирские огни», в «Литературной газете» и др. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы.

«Нет, ничего, и страдание снега недолго...»

Нет, ничего, и страдание снега недолго
продлится. Грузный выдох январский,
непролазный и грузный, почти опустился
на шапку, на плечи.

Все, что потеряно, стынет в руках ненадежных
и вот – вот потеряется снова.

Я выхожу каждый вечер лишь только за этим.

Память чужая чугуна, бескровна. Где проявитель?

Это бегут по полям виртуальные дети
к каким – то безумным открытиям.

Нет, ничего не исправить, не выдумать слова,
птицы бессмертные мокнут под временным снегом,
под снегом картонным.

Их подбирают и плачут.

Все повторится. И полные ветра карманы
потянут к земле или лопнут от свиста.

(Спокойствия и не хватает на свете,

а тревога напрасна.)
Нет, никогда не забудут —
потому что вовек не простят —
всенародно, построчно.
Родина только на вид равнодушна.

«Ты проснешься тихая, смешная...»

Жене

Ты проснешься тихая, смешная,
и лениво скажешь: «Вот ночное
солнце!..» и покажешь на бумагу.
Жизнь меняю страстно, добровольно:
лучики вяжу в пучок сердитый,
ставлю в вазу – в кляксу на углу.
Спи, земная, ни о чем не думай.
Страх волною по реке проходит,
чуть качает утку, как ресничку,
и рябит в прибрежных камышах.
Я стою, держу в руке подснежник,
потный кулачок вперед протянут,
носик вздернут смирным рядовым.
До утра, до наволочки мятой
стриженные волосы ершатся,
губы мерзнут, шепота стыдись.

«ТЕМНОТА СТОИТ ПО УГЛАМ...»

темнота стоит по углам
чтобы прятать фамильный хлам [храм]
охранять свет
там зверье и птицы на все лады
для небесных трав и во льду воды
нет не то что смерти —
прощенья нет
мы сидим за тихим большим столом
на столе бокалы с сухим вином
на столе свеча запеченный лещ
вот закусим и тоже придется лечь
как на противень на кровать —
снега ждать
мой последний мой вещий мой вечный сон
на равнине русский старик вийон —
за спину голубые руки
он обвит по горло сухим плющом
невесом не-высказан не-прошен
между рам комариный трупик

«О-КАЖЕТСЯ НЕ СКАЖЕШЬ И ПОЛСЛОВА...»

о-кажется не скажешь и полслова

о ветке дерева
и дрогнет целый лес
простимся!
нам столько места дали для разлуки
с чугунной ласточкой на память в уголке

«Нащупать спинку стула...»

Нащупать спинку стула.
Облокотиться.
Дождь среди ночи будто бы невозможен —
потому что невидим,
потому что зимний.
И все же он есть,
слушай его, слушай.
Как ты перед Богом,
маленький и холеный,
так дождь, ломая коленки,
перед тихой землей январской:
Сказать – страшно,
промолчать – не имеешь права.

Анна Ревянина

Родилась в Донецке в 1983 году. Член Союза писателей России, Союза писателей ДНР и Союза писателей Респуб-

лики Крым. Стихи переведены на девять языков. Обладатель и финалист множества международных и национальных премий, в том числе Гран-при VIII Международного литературного фестиваля «Чеховская осень», специального приза «Слова на вес золота» еженедельника «Аргументы и факты», Национальной российской премии «Лучшие книги и издательства года – 2018» в номинации «Поэзия», премии «Книга года» (в соавторстве) и других. Автор семи книг.

«У меня есть брошь из Белграда...»

У меня есть брошь из Белграда.
Я броши рада.
И она мне рада.
Мама охает: «Пятьдесят ойро,
вот оно тебе надо?
Собираешь безделки со всей земли!
Купить бы лучше риса и гречки,
а не брошь, оставшуюся после мертвой девочки».
Мама, она живая,
в ней чернота воды Дуная
и бомбежка Белграда,
в ней человек с мишенью над головой:
«Стреляй в меня!»
Брошь – серебро и оникс.
Бомбежка Белграда – забытый комикс,
словно и не было ничего.
Но посмотришь в черную брошь, как зеркало,
и увидишь серба,
который ее когда-то купил для дочери,
но не успел подарить.
Война – это то, что никогда
не может быть кончено
для живых.

«До чего же стыдно...»

До чего же стыдно.

Все эти лица,

лица на фоне десятка яиц,

масла, сыра и банки с горошком.

Бабушка Нюра и ее облезлая кошка,

бабушка Нюра в халате цветастом и разных носочках,

похоронила двух сыновей и дочку,

живет на пенсию и подачки.

Растягивает на месяц пачку гречки.

Бабушку Нюру добрые волонтеры усаживают за стол,

раскладывают красиво продукты перед,

говорят бабушке Нюре:

«Смотрите-смотрите, сейчас вылетит птичка!»

И бабушка Нюра смотрит,

глаза ее – чистые слезы, совсем без цвета.

И бабушка Нюра смотрит.

Прекрасная бабушка Нюра, беззубая бабушка.

Ей стыдно позировать, но ведь так надо!

Сказали ей волонтеры, что нужно

смотреть прямо в камеру. Нужно!

Иначе добро не зачтется.

Кем не зачтется?

Кому не зачтется?

Пока был жив муж, бабушка Нюра ни у кого ничего не просила.

Муж говорил: «Ты у меня красивая!»

А теперь бабушка Нюра шепчет губами
бескровными прямо в камеру:

«Спасибо, Россия».

И за окном бабушки Нюры начинается лес.

«Когда мне надо говорить о моем Донцеке...»

Когда мне надо говорить о моем Донцеке,
я надеваю свое самое красивое платье,
беру у мамы ее лучшие серьги
розового металла с черными жемчужинами.
Подарок второго мужа.

Они больно оттягивают мочки.

Когда мне надо говорить о моем Донцеке,
то всего мало.

Колготки недостаточно тонки,
каблуки не так высоки, как хотелось бы.

Подбородок и шея дряблее, чем нужно,
а линия плеч слишком поката,
чтобы выйти и во всю глотку
сказать четко-лобово-линейно.

Сказать так, чтобы услышали
в городах на Днепре, Шпрее и Сене,
какой он – город на Кальмиусе!

Само слово «Донецк» отныне и навсегда —
бумага лакмусовая,

проверка, которую многие не проходят,
похлеще тех, что в зданиях аэропортов,
когда ты достаешь новый,
совсем еще не потертый

паспорт о двух головах орла.

Я – пришелец с планеты Ордла,
прямая наводка.

Когда мне надо говорить о моем Донецке,
я крашу губы и подвожу глаза,
густо кладу румяна, пудру, тени,
расчесываю волосы, начесываю их у корней.

Я всегда произношу слово «Донецк» круглым ртом,
словно пропеваю,

так меня учили в хоре.

Все красивые слова надо произносить круглым ртом.

Когда мне надо говорить о моем Донецке,
я беспокоюсь, чтобы мой маникюр был достаточно свеж,
ведь разговор о Донецке не обходится
без того, чтобы не взмахнуть руками.

Без того, чтобы не жестикулировать бурно.

Единственное, что меня беспокоит,
когда мне надо говорить о моем Донецке, —
это то, что я недостаточно красива,
чтобы говорить о нем!

Нос кирпат, волосы жидки, спина сутула.

О Донецке должны говорить самые красивые девы
с жемчужными зубами и алыми губами.

Тонкие голубоглазые нимфы в невесомых платьях,
покачивающиеся, словно от степного ветра,
на высоких шпильках.

Когда мне надо говорить о моем Донецке,
я хочу быть безупречной,
такой же безупречной, как мой Донецк.

«Папа снился...»

Папа снился.

Говорил: «Аня, куда ты без СНИЛСа,

куда без паспорта

на общественном транспорте

в легком пальто.

Моя девочка – без роду, без племени,

с регистрацией временной,

с войной за плечами, не имеющей ни конца, ни края.

Ты уже не моя, не та моя пианистка и книгочейка.

Ты другая. Для тебя не найдут ни бесплатных врачей,

ни прочих льгот.

Шестой год, шестой чертов год».

Папа, не снись, то есть снись, но не снись так плохо.

Сдался мне этот СНИЛС, полис и прочие доки.

Давай просто сидеть на облаке,

говорить о том, как у нас в Донецке

к концу июля всегда случались

удивительные закаты.

Ты курил в них свои верблюжьи в крапинку сигареты.

Я говорила: «Еще целый месяц лета! Огромного желтого лета!

А дальше – хоть война, хоть сума...»

Не сойти бы с ума, папа, не сойти бы только теперь с ума.

Проза

Игорь Белодед

Родился в 1989 году в закрытом городе Томск-7. Окончил МГИМО. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького (семинар Олега Павлова). Дебютировал в журнале «Новый мир». В 2018–2019 годах дважды входил в короткий список премии «Лицей».

Бегство Аттиса

Суббота, середина августа, император умер, а он остался. Вообще все слова произошли из имен. Повод к размышлению. Рабочий день выпивал из него всю кровь, а вечером жена с пятилетним сыном довершала дело, так что мысли возникали в нем редко: миганием дальнего света встречному потоку перед участком дороги с притаившимся на обочине патрулем. Ему нравились эти негласные правила на дорогах: то задействуешь дальний свет, то одноразово аварийку в знак благодарности тихоходу, что при расширении дороги понуро уходил вправо. Вся его жизнь устремлялась к простым правилам, но в отношении людей что-то не задавалось: тесть его повесился по весне – и с тех пор в нем что-то надорвалось: не вера в людей, но вера в будущее.

Все мысли произошли из слов, а следовательно, из имен. За неделю до смерти Аркадий Петрович позвал зятя в гараж под предлогом установки новых брызговиков, поставил перед ним бутылку, от которой Антон обыкновенно отказы-

вался, и завел речь о несправедливости истории. А откуда произошли имена? Тучные слова исходили из его неровного рта, подносье покрыла испарина, очки блестели, как блюдца катаракты на глазах древнего кота. Он говорил о несправедливости истории, но на деле за ней скрывались несправедливость жены и неблагодарность дочери. Будь Антону свойственна наблюдательность, он бы разглядел в этой гаражной пошлости попытку тестя проститься с мнимо близким ему человеком, но никто из них не понимал происходившего.

Вот и сегодня день не задался с самого начала: на крышке заливной горловины бака Антон обнаружил едва явственный скол, кто-то пытался слить бензин. Его затошнило, захотелось закурить, первой мыслью было пойти к жене и... это стало же его последней мыслью. Через несколько часов, беспрестанно думая о сколе, он вел машину по трассе. В чередѣ самоуверенных обгонов, когда он стал опережать на повороте нечто большегрузное, на встречной полосе появился внедорожник, если бы тот со скрежетом не затормозил, надав вправо, то всю семью на том берегу Стикса принял бы синезыкий тесть. Фура и внедорожник, ставший на обочине, принялись неистово сигналить ему вслед.

– О чем ты думал, ведь ты мог нас убить! – кричала Арина, вцепившись ему в плечо, пятилетний Милослав заголосолил, – он звал его Славой, стыдясь в глубине души своего неучастия в выборе имени сына. Имени, слова и мысли. Антон сбавил скорость до общепотоковой, пристроился за «Ни-

вой», которую вел старик в белом кепи, и принялся доказывать жене, что больше никогда в жизни не пойдет на обгон на участке дороги с небольшим обзором, а сам, внутри проблисковой души, подмечал, что он так устал, так измаялся... И становилось страшно, и перед глазами снова вставал сиене-радостный тесть.

Тучные слова исходили из его неровного рта, подносье покрыла испарина, очки блестели, как блюда катаракты на глазах древнего кота. Он говорил о несправедливости истории, но на деле за ней скрывались несправедливость жены и неблагодарность дочери.

От леса веяло спокойствием, машина шла по песчаной дороге, прорубленной сквозь реликтовый бор. Стекла были опущены, левая рука Антона локтем покоилась на дверце, правая – судорожно переключала передачи: вторая-третья-вторая. Под конец ему надоело играть по правилам внезапно являющегося соснового корня или сука, и он перешел на вторую скорость, отключив ближний свет и заглушив бойкое радио. Арина запротестовала, ее муж попробовал было что-то объяснить, но осекся и только отстраненно посмотрел на своего сына, который заголосил, чтобы отец остановил автомобиль и выпустил его с мамой к ближней сосне...

Машину оставили на опушке вырубки. Древору-бы постарались на славу: десятина соснового бора была вычищена подчистую, лишь по краям пятака жизнь была оставле-

на двум-трем молодым кедром, отовсюду из песка торчали вершковые, ржаво-рудные сосенки, однодневки терялись посреди высокой полыни. Антон прежде часто бывал здесь с отцом, поэтому теперь с тяжелым сердцем смотрел на канареечный песок поблизости и гарь, тянущуюся к трассе. А прежде, бывало, в этих местах они находили столько моховиков, что его мать ночи напролет перебирала рюкзаки да ведра, наполненные иссиня-черной на надрезах плотью гриба. А что делалось, когда шел шишкопад, какими только словами она не крыла их с отцом! Ранние шишки приходилось варить, зато сентябрьское шишкование непременно оканчивалось засмоленными до черноты ладонями и молочным вкусом спелого ореха во рту, он так любил их, что не брезговал подпорченной бурундуком шишкой, за что получал нагоняй от отца. Именно об этом вспоминал его отец, когда стал совсем плох.

– Папа-папа! Клещ! – кричал метнувшийся из леса Милослав, указывая на левое запястье.

Арина, отскочив от багажника, накинулась на мужа:

– В клещевник привез! Ты же погубишь ребенка!

Что я тебе говорила! Ты эгоист-эгоист-эгоист!

После того как насекомое оказалось на поверку внушительным долгоносиком, Антон в дедовской – песку под стать – охровой штормовке взвалил на плечи полупустой рюкзак и запер машину. С каждым пройденным шагом в белом семилитровом ведре спокойно гремял нож.

Гнус в лесу сплошь состоял из вялых с тигриным брюшком комаров, они свирепствовали только в низинах – в брусничниках и черничниках. Милослав потянулся к перезревшей костянике, но мать одернула его, вскричав: «Это вороный глаз!»

– Ты еще скажи, что это белена.

– Не лезь не в свое дело, ты ничего в этом не понимаешь!

Антон усмехнулся и хотел было затеять ссору, но Милослав показал ему вывернутую из земли лисичку. Он тотчас забыл об Арине, осмотрелся вокруг себя и увидел, что опушка пестрит бледно-желтыми жесткими боровыми лисичками. Рука его потянулась к хвостовику ножа, обмотанному синей изолентой.

Арина сорвала пижму и громко понюхала ее, но чем дальше они углублялись в бор – к распадку, где, уверял муж, коробами набирают белые, тем меньше ей попадалось цветов для полевого сбора. Зато каково было ступать по мягкой подстилке из кукушкиного льна: под стопой трещали сосновые сучья, иногда среди пожухшей хвои таилась твердая шишка или ягель был чересчур сух, но это только оттеняло мягкость борового ковра. Настроение сменилось, когда ей в лицо угодила паутина крестовика, она стала снимать с русых волос белесые клейкие нити и вдруг поняла, что готова убить своего мужа. Их любовь выродилась незадолго до рождения Милослава, она была несчастна, но не осознавала этого, пожалуй, и сына она полюбила лишь потому, что ей нечем было

занять свое сердце... А имена произошли от бога.

– Папа-папа, а почему под этой сосной так много шишек? – спросил Милослав.

– Столовая какой-нибудь птицы лесной, а вон, кстати, – добавил Антон, указывая на пеструю птицу, прокричавшую что-то кркшное, – видишь, там на сосне – кедровка?

– Но она же сидит не на кедре! – удивился мальчик и стал бросать на муравьиные тропы растребу-шенную ножку борового. Когда на требуху набиралось довольное количество красных муравьев, он давил их подошвами кед.

Антон вспомнил, как в его возрасте он ходил по июньскому городу, разыскивая сирени, вокруг которых слонялись боярышницы, и сек их прутьями, а иных, оборвав им белые в черных крапинах крылья, кидал на растерзание черным муравьям. Иногда забавы ради он наполнял стеклянную банку бабочками и тряс ею до одури, с любопытством наблюдая за тем, как они кончаются. После смерти нюхать банку было неприятно: сладковатый, тошный дух исходил из нее, вывести его было невозможно.

Арина закричала в двух сотнях саженей на север: она забыла захватить с собой сотовый. Антон пристально посмотрел на сына, протянул ему ключи с брелоком, показал, куда нужно нажать в случае, если они заплутают, а затем сказал:

– До распадка осталось совсем недалеко, я прошвырнусь и пойду в вашу сторону.

Милослав смотрел на него с недоверием; чтобы поскорее

отправить его к матери, Антон пообещал:

– А там, глядишь, поедem на озеро, тебе ведь там нравится?

Милослав усердно закивал и побежал на зов матери, Антон помахал ей издалека и громко повторил все, что сказал сыну. Наступила тишина. Вершины сосен покачивал ветошный ветер, иногда с глухим треском шишки срывались с высоты, занималось захватывающее молчание, и наконец – раздавался звук удара шишки о замшелую поваленную сосну. Антон прислонился к стволу, поднес к глазам руку и смотрел на то, как рыжий комар благоговейно набухает черной кровью, устроившись на его левой кисти. Прошло несколько мгновений. Будто бы набравшись духа, он прихлопнул насекомое: на кисти проступила алая кровь, комар упал на жесткий ягель.

Вот и все. Скорыми шагами Антон направился к распадку, по правую руку сосны редели, раскрывалась болотина, заросшая хмарным багульником, в отдалении послышался звук отпираемой машины. Слух улавливал и мерный гул трассы, до которой было с лихвой три версты. В белом ведре синели моховики, одинокий боровой перекатывался по верх них. В штормовке Антону было жарко, лодыжки ныли от свежих укусов. Наконец, он добрел до пади и, не глядя на росшие под ногами боровики, двинулся в противоположную сторону от машины, ребенка, жены.

У него не было определенной мысли о бегстве, он был во-

обще свободен от любой рефлексии на свое положение, на свою смиренную огрызчивость с Ариной. Внутри собственного пустого существа он был уверен в том, что бежит не от жены или сына, которых при прочих равных любил вполне сносно, он бежал от нечто большего. Ему нечего предъявить богу, в которого он не верил. Не верил, но чувствовал настоятельную потребность доказать пустоте нечто, предъявить свой особенный счет бытию.

Антон запыхался, достал из рюкзака термос, отвинтил чашку, ткнул грязным кровавым пальцем в податливый стержень и налил в нее душистого травяного чая. В изнеможении, словно бы исходя весь бор вдоль и поперек без привалов, он опустился на мох и закрыл глаза. Прошло не более пяти минут. В бору отсутствовали птицы, только кедровка единожды гаркнула что-то пакостное, летя в сторону топи. Его клонило в сон, но тут он услышал, как кто-то сигналил в отдалении. Ему подумалось, что Арина потеряла его, что соловей не при нем и что еще чуть-чуть и... Он с трудом поднялся, потянулся, хрустнув грудными позвонками, сбросил с гачей пожухшие хвоинки и уверенно, не думая ни о чем, уверовав в пустоту, перед которой ему должно держать ответ, побрел в сторону, противоположную той, куда звал его истеричный гудок...

Анаит Григорян

Родилась в 1983 году в Ленинграде. Окончила биолого-почвенный факультет СПбГУ по направлению «Биоло-

гия» филологический факультет СПбГУ по направлению «Литература и культура народов зарубежных стран». Кандидат биологических наук. Состоит в Союзе писателей Санкт-Петербурга. В 2011 году издательством «Геликон Плюс» издан дебютный сборник коротких историй «Механическая кошка» в 2012 году издательством «Айлурос» (Нью-Йорк) – роман «Из глины и песка». В 2015 году в журнале «Урал» опубликован роман «Diis ignotis [Неведомым богам]». Рукопись романа «Поселок на реке Оредеж» вошла в шорт-лист литературной премии «Лицей» имени Александра Пушкина, лонг-листы премий «Ясная Поляна» и «Большая книга» (2018, 2019), в 2019 году роман опубликован в издательстве «Эксмо».

Лето девяносто восьмого Рассказ¹

Во всей Ленинградской области не найти другого такого места, где так близко и живописно сошлись бы лес, поле и река. Из всех здешних деревень эта – самая красивая, потому-то она и называется – Красницы. Моя покойная бабушка, впрочем, говорила, что деревня эта появилась так: в тысяча пятисотом году сюда свезли всех самых плохих людей, и они построили здесь свое поселение.

---

¹ Выходит в сборнике «Эксмо» «Все на дачу».

За окном в утренней прохладе проплыло похожее на дворец здание Павловского вокзала – желтое, с белыми колоннами, высоким острым шпилем и круглыми часами. Часы показывали восемь двадцать четыре – рано, занятия в школе начинались только в девять. Клонило в сон, но было страшно проехать свою станцию, к тому же еще на Витебском Карина сказала, чтобы в электричке не клевала носом, могут обокрасть. Даша вздохнула и откусила краешек вафельного стаканчика – он показался ей жестким и даже как будто немного подгоревшим. Полная тетечка в жилетке «МПС», накинутой поверх легкого ситцевого платья, сказала, что в Павловске мороженое самое вкусное, и Карина, отложив в сторону книжку в мягкой обложке, вытащила из рюкзака кошелек и внимательно отсчитала рубль пятьдесят. Тетечка ласково улыбнулась и протянула ей стаканчик, но Карина кивнула на сестру – «это вот этой девочке в шортах, пожалуйста». Даша откусила еще небольшой кусочек и посмотрела на упаковку: написано было «Ленинградский хладокомбинат № 1». Ну и никакое оно не особенное, а самое обыкновенное.

– Карина...

Сестра не ответила: то ли не услышала, то ли была слишком увлечена своей книжкой – она читала их тайно от родителей и не давала Даше, но Даша все равно, когда сестра не видела, таскала у нее эти книжки (Карина прятала их в ящик письменного стола, запиравшегося на ключик, который можно было с легкостью заменить обычной скрепкой).

Ничего интересного в них не было, но Даша все равно читала из вредности – потому что сестра запрещала, и в голове у нее часто вместо уроков крутились странные имена вроде Антонио, Мигеля, Изабеллы или Аманды. «Вождь Орлиное Перо схватил Аманду за волосы, – читала сейчас сестра, – и прижал ее к стволу огромной секвойи. Она вскрикнула от боли, но воин только скривил в усмешке губы. – Покорись мне! – сказал Орлиное Перо на языке, которого Аманда не понимала, но сила его голоса заставила ее...» Дальше не придумывалось, и Даша уставилась на пробежавшие за окном электрички деревья – сосны, елки и низкорослые заросли ольхи вдоль железнодорожных путей. У Карины тоже имя необычное, во всей школе она одна такая, понятно, почему она так любит читать эти книжки – там все как будто про нее написано. Изредка в лесу появлялись просветы, в которых мелькали то заросшие свежей, как будто очень мягкой на ощупь травой лужайки, то небольшие озерца с черной болотной водой. Наверняка там полно комаров и пиявок.

– Карина... а, Карин...

– Ну, что такое? – Старшая сестра отвернулась от окна и строго посмотрела на младшую.

Для своих пятнадцати она была слишком высокой – самой высокой в классе – и выглядела взрослой. Мальчики в нее часто влюблялись, дарили всякие подарки, дрались на переменах в школьном коридоре, если кому-то вдруг досталось больше ее внимания, – хотя, по правде, Карина на их

ухаживания не особенно-то и отвечала, ей было не до этого – она шла на медаль, готовилась поступать на исторический в университет, а в свободное время читала о каком-нибудь Антонио, Мигеле или храбром вожде Орлиное Перо – что ей были школьные ухажеры. За глаза ее называли «наша принцесса»: по мнению Даши, она и правда была похожа на сказочную принцессу с ее красивым строгим лицом и густыми вьющимися волосами – когда на них падал яркий свет, казалось, что на голове у нее полыхает настоящий пожар.

– Ну, что? – повторила Карина. – Мороженое, что ли, не вкусное?

– Да нет, хорошее.

– Тогда не мешай мне читать.

– Да я и не мешаю... я так... – буркнула Даша и снова устала в окно. Мороженое таяло у нее в пальцах.

– Карина...

– Что теперь? – Сестра положила раскрытую книгу на колени. – Писать, что ли? Потерпи, еще полчаса ехать.

– Нет, не хочу. – На самом деле, в туалет и вправду немного хотелось, но Даша обижалась, когда сестра вот так ее спрашивала – как маленькую. Между прочим, со следующего года она уже будет учиться в средней школе.

– А как мы там нужный дом найдем, а?

– Адрес же есть. – Карина нахмурилась. – Светло-голубой дом с белыми наличниками, перед домом большой тополь, за бетонным мостом первая дорожка направо.

– А-а... и мы прямо сами будем там жить? Все лето?

– Что ты пристала? Как дом найдем, как жить будем... как-нибудь справимся.

– Да я так просто... ну не злись, Карин...

Сестра раздраженно фыркнула, взяла с колен книжку и зашуршала страницами. В электричке становилось жарко, и Даша огляделась, ища, куда можно сунуть таявшее мороженое – доедать его не хотелось. В щель между стеной и деревянным сиденьем были напиханы туго свернутые бумажки – обрывки газет, фантики, обертки от мороженого, одиноко торчала палочка от эскимо. Даша бросила косой взгляд на сестру и, осторожно завернув свое мороженое в бумажную обертку, запихала его в щель: стаканчик смялся, густая липкая масса выступила из-под обертки, измазала стену и закапала на пол под сиденье. Испугавшись, что сестра увидит, Даша торопливо пропихнула его подальше, придвинулась ближе к окну и украдкой облизала испачканные мороженым пальцы. Электричка остановилась: снаружи был деревянный, похожий не на дворец, а на обыкновенный деревенский дом вокзал поселка Семрино. В дверном проеме, прислонившись к косяку, стоял мужчина в форменной одежде рабочего станции и, дымя папиросой, равнодушно смотрел на прибывший поезд, от которого по дороге в поселок тянулась вереница дачников. Электричка дернулась и снова застучала колесами. «Сколько же еще ехать, – Даша прижалась лбом к стеклу, – и зачем на эту дачу... почему в горо-

де нельзя было остаться... мультики бы посмотрели...» Она вздохнула и, отвернувшись от окна, попыталась забраться на сиденье с ногами – она любила так сидеть, подтянув колени под подбородок и обхватив их руками; когда они с Кариной были младше, то часто играли так – кто быстрее запрыгнет на кровать, свернется калачиком и крикнет «Я в домике!».

– Не ерзай, – одернула сестра. – Еще всего три станции, потерпи немного.

Дом они действительно нашли сразу, даже спрашивать ни у кого не пришлось: от станции до него было идти минут двадцать по пылившей от каждого шага грунтовой дороге, из которой здесь и там торчали крупные камни и куски кирпичей: Даша пару раз больно ушибла о них носок, но жаловаться сестре не стала – та бы завела в ответ вечное мамино про то, что на Дашу новых туфель не напасешься.

– Ну, вот и пришли! – Не опуская больших сумок с вещами и продуктами на первое время, Карина толкнула плечом калитку – незапертая калитка со скрипом открылась, и они оказались в небольшом дворе, где было намного прохладнее, чем по пути от станции.

Даша зашла во двор вслед за сестрой, поставила в траву свои сумки, прикрыла калитку и огляделась. Опрятный одноэтажный дом был выкрашен свежей светло-голубой краской и блестел чисто вымытыми окнами, в которых виднелись белые кружевные занавески. Возле крыльца над пышными

кустами спиреи гудели большущие шмели. Старый тополь с потрескавшейся от времени корой шелестел над их головами листьями, и в воздухе пахло клейкими тополиными почками, травой и чем-то еще – так, по мнению Даши, должен был пахнуть горячий песок на пляже и река, которая была от дома в двух шагах: можно было выбежать на крыльцо, сбежать вниз по ступеням, потом через двор, по краю тянувшегося вдоль берега луга – и сразу же бултыхнуться в воду. Даша представила, как они сегодня же, разобрав вещи, пойдут на речку, и подумала, что, может быть, это все-таки лучше, чем смотреть дома мультфильмы – все равно они с Кариной вечно не могли договориться, какую поставить видеокассету.

– Лето! – выдохнула Даша, запрокинув голову. – А мама как, часто будет к нам приезжать?

– По выходным только, может, и не каждые... – Карина, поднявшись на крыльцо, встала на цыпочки и нашарила спрятанный за притолокой ключ. – У мамы работы много, думаешь, легко ей быть в институте главным инженером?

– Ничего я такого не думаю, – тут же обиделась Даша.

– Вот и хорошо. – Карина повернула ключ в замке. – Магазин тут рядом, только мост перейти, колодец у соседнего дома, за электричество до конца лета заплачено. Давай сумки свои занеси и иди уже писать, туалет за домом.

– На улице, что ли? – удивилась Даша.

Сестра не ответила, только встряхнула волосами и щелкнула выключателем, хотя в прихожей и так было светло бла-

годаря лившемуся в окна солнечному свету. Даша постояла еще немного, потом повернулась и сбежала вниз по ступеням, нарочно громко топая и представляя, как скоро она бултыхнется в речку. Трава приятно щекотала голые ноги, хотелось раскинуть в стороны руки и что-нибудь громко прокричать, но она боялась, что сестра услышит и рассердится.

Раньше они никогда не проводили лето за городом: у родителей не было денег, чтобы снимать дачу, да и оставить Карину и Дашу было не на кого. В этом году мама стала главным инженером (как выражался папа, «маме дали главного инженера»), и родители, полушепотом посоветовавшись несколько вечеров на кухне, решили отправить сестер в деревню в области. Мама долго сопротивлялась, настаивая на том, что Карина еще ребенок – ну и что, что рано вытянулась, на самом-то деле школьница еще, девятиклассница, а вдруг что плохое случится, – но папа настаивал на том, что «девицам» нужен свежий воздух, нечего им целых три месяца киснуть в городе перед телевизором, пусть поживут немного самостоятельной жизнью, что здесь такого сложного – летом в деревенском доме, Каринка у нас сознательная, поумнее своей матери в ее-то возрасте, глупостей не наделает, к тому же обе отлично плавают, так что в речке не утонут, а ты, мать, можешь к ним ездить по выходным и привозить из города черешню, если так беспокоишься. Мама, подумав еще пару дней, согласилась и нашла через знакомых опрятный и

недорогой дом в деревне, в двух шагах от речки, на низком берегу с песчаным пляжем, полем и видневшимся вдалеке лесом.

Даша осторожно потянула за веревку, заменявшую деревянному сарайчику дверную ручку, и заглянула внутрь. Сарайчик, видимо, в отличие от дома, не успели покрасить и прибрать: внутри было сумрачно, темнели неструганные доски стен, в углу под потолком большой паук-крестовик все заплел паутиной, в которой дрожали от слабого ветерка сухие шкурки мух, – еще несколько мух зудели внизу, в самой яме, откуда поднимался удушливый кислый запах.

– Фу-у! – громко сказала Даша и захлопнула дверь.

Она оглянулась на дом: Карина сейчас разбирает вещи или тренируется включать на кухне газовую плиту.

– Ка-ри-на! Ка-ри-и-ин! – крикнула Даша и прислушалась. Сестра не отвечала – то ли не слышала, то ли опять на что-то сердилась. – Ну и ладно! Ничего же, если я погуляю совсем немного? Ка-ри-на! – еще раз попробовала она. – Я ско-оро вер-ну-усь! Слышишь ты меня-а-а, Ка-ри-ина?!

Не дождавшись ответа, она привычным движением поправила сбившийся хвост, перехваченный широкой резинкой, и вприпрыжку побежала к калитке.

Возле бетонного моста берег полого спускался к реке, образуя пяточок песчаного пляжа. Прямо под мостом была сложена из крупных камней запруда: вода перекатывалась через

нее и завивалась маленькими водоворотами. Даша подумала, что здорово было бы, наверное, перейти по этим камням на другую сторону, не снимая сандалий. У самой кромки берег был усыпан мелким речным мусором: потемневшими ку-сочками камыша, веточками, палочками, осколками речных ракушек. По обе стороны от пляжа раскачивался высокий тростник, сухо шелестевший от малейшего дуновения ветра, а чуть подальше, за мостом, виднелись кусты, низко склонившиеся над водой. Даша решила, что до этих кустов не пойдет, все равно вокруг не было ни души, а из окон домов на том берегу ее было не увидеть, поэтому раздвинула руками стебли тростника, сделала пару шагов вглубь его зеленых зарослей, расстегнула молнию и присела. В горячем летнем воздухе тонко пищали комары.

– Э-эй, а я твою жопу вижу! – послышался откуда-то высокий девчоночий голос, срывавшийся от усилия перекричать плеск реки.

Даша почувствовала, что ее лицо заливается краской, и вцепилась пальцами в пояс шортов.

– Жопу вижу! Жопу вижу! Чья-то жопа торчит из кустов! – нараспев надрывался голос.

Даша зажмурилась, про себя прося теплую струйку поскорее закончиться, чтобы она могла наконец встать и одеться. Колени ее дрожали от напряжения.

– Люди! Люди! Люди добрые! – продолжала орать противная девчонка. – Отвернитесь, я сейчас пи-и-исать буду!

Не дожидаясь, пока на землю упадут последние капли, Даша вскочила на ноги и развернулась, одновременно натягивая трусы и шорты.

– А теперь я твою письку вижу! – прокричала стоявшая на противоположном берегу белобрысая девчонка с узким худеньким личиком, на вид то ли Дашина ровесница, то ли чуть ее постарше. – Тебя как зовут-то, а?!

– Даша! – крикнула в ответ Даша, закусив губу, чтобы не расплакаться при девчонке от обиды. – А тебя?

– Так я тебе и сказала, дура я тебе, что ли?! – Девчонка присела, расправила подол слишком длинного ей платья и с каким-то злым любопытством посмотрела на Дашу. – А у тебя че, дома тубзика нету?

– Ну, есть вообще-то...

– А че ты в траву тогда ссать пошла? – допытывалась девчонка. – Раз тубзик есть...

Даша растерянно молчала. Девчонка сорвала росшую поблизости травинку и сунула ее в рот. Даже издали было видно, какое замызганное у нее платье и какие грязные руки, аж до локтей – как будто она долго копалась в земле.

– А если кто-нибудь твою жопу увидит? – Девчонка вынула изо рта травинку и сплюнула на землю, потом не торопясь поднялась на ноги и одернула свое платье. – Если помаленькому в траву, это еще не страшно, а если по-большому пойдешь, может клещ укусить: ты пока сидеть будешь, он тебе прямо туда и заползет...

– Какой еще клещ?

– Да ты вообще откуда такая?! – Девчонка сделала удивленные глаза. – Ты че, из дачников, что ли?

– Ну да, мы с сестрой сегодня утром только приехали.

– Городская, что ли? – догадалась та. – Из города, что ли, приехала? Прямо с Витебского вокзала? На электричке?

– Ну... да... – Даша оглянулась на их дом, едва видный за поднимавшимся от реки берегом в высокой траве. Карина, наверное, скоро ее хватится и начнет искать, но хотелось еще поговорить со странной девчонкой. – А ты здесь живешь, да?

– Вот еще! – девчонка задрала голову и провела грязной пятерней по растрепанным волосам. – Я вообще-то сама из Москвы!

– Да ладно! – не поверила Даша.

– Мы на Красной площади живем вообще-то, а здесь просто дачу снимаем!

– Да врешь ты все! – рассердилась Даша. – На Красной площади никто не живет, там и домов-то нет! Худенькое личико незнакомой девчонки мигом стало пунцовым.

– Сама ты все врешь! – прокричала она в ответ. – Жопу тут всем свою показала и врет еще, что из города приехала на электричке! – Она наклонилась, сгребла в руку, сколько смогла ухватить, влажного песка, размахнулась и швырнула в Дашу – коричневый ком пролетел несколько метров над рекой и плюхнулся в воду. – Жо-опа! Врешь ты все-о-о! – завопила девчонка изо всех сил и наклонилась за новой пор-

цией песка.

Даше показалось, что на этот раз она обязательно попадет, а еще хуже – перебежит через бетонный мост, бросится на Дашу с кулаками, как делали на переменах в школе мальчишки, и изваляет в прибрежном песке и иле, и тогда Карина точно изругает ее за испачканную одежду. Даша поджала губы, отвернулась и пошла быстрым шагом к дому, едва сдерживаясь, чтобы не побежать – тогда бы эта деревенская девчонка подумала еще, что Даша ее испугалась.

– А-а-а! Идет Дашка в коротких шортах, жопой на всю деревню сверкает! – неслось ей вслед с другого берега. – Из города они, а у самих тубзика нет, в траву ходят! Слышь, Дашка, тебя в жопу укусит клещ, я сама видела, как он в трусы к тебе залез, когда ты в траве сидела! Э-эй, слышишь ты меня, че я тебе говорю?!

В реку плюхнулся очередной ком грязи.

Даша поняла, что плачет, почувствовав, как по ее щекам стекают крупные слезы. Она попыталась стереть их ладонью, но вместо этого, пару раз всхлипнув, расплакалась еще сильнее и калитку их дома открывала уже на ощупь: перед глазами плыл весь ясный солнечный день, как будто она смотрела на него со дна быстро бегущей, перекатывающейся через большие камни реки.

– Ну, и где ты была? – Карина встретила ее на крыльце, лицо у нее было недовольное. – И почему ты вся зареванная?

– Да я просто... – Даша еще раз всхлипнула, потеряла щеки ладонями и вдруг сказала первое, что пришло ей в голову: – Я просто к реке ходила, и меня там клещ укусил.

– Клещ? Какой еще клещ? – Карина схватила сестру за руку и наклонилась, чтобы внимательно рассмотреть ее лицо и шею. – Если клещ, нужно срочно в город ехать, к врачу! Вдруг он энцефалитный!

– Ну, наверное, не клещ, просто паучок какой-то маленький.

– Паучок?

– Такой, на травинке сидел...

– Ничего не видно. – Старшая сестра сейчас была ужасно похожа на маму, когда та сердилась и беспокоилась одновременно. – Куда он тебя укусил?

– За жопу! – выпалила Даша, и тотчас ее ухо обожгла не слишком сильная, но болезненная оплеуха.

– Тебе сколько раз говорено, чтобы таких слов произносить не смела! Ты что, русского языка не понимаешь?!

Даша промолчала, опустив голову. Спорить со старшей сестрой было бессмысленно – можно было нарваться на еще одну оплеуху, а еще хуже – поссориться, и тогда Карина могла молчать несколько дней, а на все попытки младшей помириться только презрительно фыркать и отворачиваться, встряхивая рыжими волосами.

– Ладно, – смягчилась Карина, – надо в магазин сходить, купить чего-нибудь к ужину, а то у нас сосиски есть, а кар-

тошки нет и хлеба тоже.

– А мы разве хлеб из города не взяли?

Карина в ответ только передернула плечами: она уговорила родителей дать ей чуть больше денег, чтобы купить все в сельпо, и взяла с собой вместо хлеба несколько лишних книжек. Это Даша ничего не читает, даже школьную программу все пытается найти в кратком изложении – что только из нее вырастет, непонятно. Карина нахмурилась и строго посмотрела на сестру.

В маленьком сельском магазине пахло свежим хлебом и как будто всеми продуктами сразу, даже теми, которые, по мнению Карины и Даши, собственных запахов не имели: какими-то крупами, консервами и бог знает чем, а еще табаком и сладкими розовыми духами.

– Может, пряников возьмете? – говоря, улыбчивая продавщица накручивала на палец с длинным красным ногтем тугой локон черных волос. – Есть мятные, весенние и заварные с начинкой. Мятные самые свежие.

– Нет, спасибо, пряников не нужно.

– И правда, пряники только бабкам годятся, в молоке их размачивать. Лучше зефира возьмите. Зефир хороший, фабрики «Ударница», есть ванильный и банановый, а шоколадный весь разобрали – я все говорю, чтобы больше шоколадного привозили, его парни девушкам дарить любят.

– Нет, зефира тоже не нужно. Мы его как-нибудь в другой

раз возьмем.

– Может, все-таки возьмем, Карин? Бананового зефира, а?

– Нет, – твердо сказала Карина. – Ты сегодня уже мороженое ела, хватит сладкого, зубы испортишь.

– А вы новые дачницы? – поинтересовалась продавщица. – Серьезные такие девочки, сразу видно, что городские.

– Да, сегодня утром приехали, на электричке. – сказала Даша.

Карина глянула на нее недовольно: и так же ясно, что на электричке, на чем же еще.

– У нас тут много ребят вашего возраста, не заскучаете. И девочек, и мальчишек.

– Спасибо большое! – Карина, отсчитав деньги, забрала с прилавка старую мамину сумку с длинным ручками, которую они нашли перед самым отъездом на антресолях.

– Наши местные, бывает, задирают городских, но это они не со зла, вы не обижайтесь на них, если пристанут. Они как пристанут, так и отстанут. С мальчишками только осторожнее, есть тут некоторые...

– Ничего, я знаю, как в случае чего ответить. – Карина перекинула сумку через плечо и махнула Даше, рассматривавшей содержимое коробки с чупа-чупсами. – Даш, пойдём уже.

Продавщица улыбнулась, но ничего не сказала.

– На актрису какую-то похожа, да? – сказала Даша, когда они вышли из магазина. – Красивая такая...

– Ну, не знаю. – Карина пожала плечами. Маме бы эта продавщица точно не понравилась. – Вульгарная.

– Да ладно тебе, ну что ты такая злая?

– Ничего я не...

– Эй, городские!

Прямо перед ними стояли две девочки: та, белобрысая, которую Даша встретила у реки, и вторая, постарше, лет двенадцати-тринадцати, очень на нее похожая, – наверное, ее старшая сестра. На старшей тоже было слишком большое ей платье, она встала посреди дороги, перегородив им путь и сунув руки в глубокие топорщившиеся карманы.

– Это вы, что ли, из города сегодня утром приехали? – спросила та, что была постарше.

Лицо ее было все в мелких веснушках, во рту она на манер сигареты держала длинную травинку. Младшая шмыгнула носом и весело и одновременно зло взглянула на Дашу. «Наябедничала», – догадалась Даша.

– Мы с незнакомыми не разговариваем, – твердо ответила Карина и сделала шаг навстречу девочке. – Дайте, пожалуйста, пройти.

– Меня Катя зовут, а это Ленка. – Девочка кивнула на младшую. – Будем знакомы.

– Приятно познакомиться. – Карина сделала еще шаг. – Мы пойдем уже, у нас дел много, некогда с вами разговаривать.

Катя выплюнула травинку на дорогу и отступила назад,

снова встав у них на пути.

– Пойдете, когда я разрешу, понятно тебе, дылда рыжая? Твоя вот подруга, – она вынула руку из кармана и ткнула пальцем в Дашу, – мою сестру вчера обидела.

Карина, поджав губы, строго посмотрела на Дашу.

– Да ни в чем я не виновата. – Даше снова захотелось расплакаться. – Она первая начала!

– Да че ты врешь-то?!

– Так, все, пойдем отсюда. – Карина отвернулась от деревенских девочек, вздернула подбородок и, потянув Дашу за рукав футболки, решительно зашагала в сторону их дома.

– Куда это вы намылились, городские?! – крикнула им в спину Катя. – Мы не договорили еще!

Даша было замедлила шаг, но Карина на нее шикнула: «Не отвечай им ничего, сами отвяжутся!» – и вдруг испуганно взвизгнула и схватилась за голову, едва не уронив с плеча сумку. В тот же момент Даша почувствовала, как что-то мягко ударило её в затылок, и тоже схватилась за голову, – в волосах запуталось что-то колючее. Через секунду прилетел еще один снаряд и прицепился повыше, почти к самой макушке, еще один упал им под ноги.

– А-а-а! – орала Ленка. – Получите! Так их, Кать!

– Прекратите немедленно! – Карина обернулась, и тут же очередной ком репьев ударился ей в щеку.

– Будешь знать, как мою сестру обижать, рыжая корова! – Катя вытащила из кармана еще один здоровенный ком и точ-

ным движением запустила его в Карину. Ком повис на Карининых волосах.

Сестры бросились бежать, спотыкаясь о камни. Времени было уже около полудня, солнце жгло в полную силу, и дорога, по обе стороны которой тянулись заросли желтой акации, была пустынна: местные сидели по домам, а дачники отправились купаться на речку. Все вокруг как будто дышало летним отдыхом и сонным спокойствием, и странно было, что они бегут сломя головы с тяжелой сумкой, а вслед им один за другим летят колючие комья репьев.

– Мамочки! – выдохнула Даша. По ее лицу стекали соленые струйки пота, сердце колотилось как бешеное, дыхание сбивалось. – Карина... Карин... я больше не могу...

– Давай, немного осталось! – Карина попыталась схватить Дашу за руку, но из-за того, что сестра сильно отставала, у нее не получилось. – Вот ведь козы мелкие! Давай, Даш, вон же наш дом уже!

Деревенские отстали от них только у бетонного моста: то ли устали, то ли у них закончились снаряды. Остановившись, они покричали им вслед еще что-то обидное, но, когда Даша обернулась, их уже не было видно.

Дома, поев привезенных из города сосисок с пюре (картошку Карина недоварила, поэтому пришлось долго разминать ее гнувшей от малейшего усилия вилкой, и все равно пюре получилось с комочками), они до самого вечера вычесывали друг у друга репьи. С прямыми Дашиными волосами

было проще, да и репьев деревенские накидали ей меньше, хотя Даша всякий раз вскрикивала, когда сестра случайно дергала отдельные волосинки, а в Карининых густых кудрях колючие бомбошки так запутались, что некоторые пришлось выстригать ножницами. Карина молчала, сжав губы, а когда они вытащили последний репей, взяла свою книжку, уселась возле окна и зажгла настольную лампу. К лампе тут же откуда-то из углов комнаты слетелись крошечные мошки и пара молочно-белых мотыльков.

– Карина... – осторожно позвала Даша. – А, Карина...

– Ну, что? – Сестра даже не подняла голову от книжки.

Наверное, вождь Орлиное Перо тащил сейчас Аманду на веревке сквозь лесную чащу или через горный перевал, она плакала и умоляла его идти помедленнее, но воин только кривил в усмешке губы. Аманда шла за ним, спотыкаясь о камни и корни деревьев, и чувствовала себя очень несчастной, не подозревая, что в сердце вождя индейцев уже зажглась искра нового для него чувства. Даша вздохнула.

– Может, на улицу пойдем, погуляем, а? Тепло же...

– Не хочу, – буркнула Карина.

Даша помолчала. Наверное, и вправду было бы лучше остаться в городе, она бы сейчас согласилась на любую из Карининых любимых видеокассет, хоть бы даже на «Унесенных ветром» с Вивьен Ли и Кларком Гейблом. Хорошенькое получилось у них начало летних каникул, а впереди еще целых три месяца: что если Карина так и будет читать с утра до

вечера свои книжки и дуться – она, наверное, думает, что это Даша во всем виновата, а если ей рассказать, она ни за что не поверит, что это все эта Ленка начала ни с того ни с сего обзывать и швыряться песком, а потом взяла и наврала про Дашу своей старшей сестре. Между прочим, ее старшая сразу ей поверила – небось, все репы вдоль дороги оборвала со злости.

– Карина... Карин, слушай, я не виновата вообще, это та девочка ко мне первая пристала...

– Мне вообще все равно, кто там из вас первый начал. – Карина перелистнула страницу.

Даша закусила губу.

– Ну правда, Карина...

– Если тебе делать нечего, почисти зубы и ложись спать.

Даша подождала еще немного, но сестра больше ничего не говорила. На улице хлопнула соседская калитка, пару раз гавкнула и замолчала собака. Даша нехотя слезла со стула, пошла на кухню, почистила там, морщась от холодной воды, под умывальником зубы, вернулась в комнату и, переодевшись в пижаму, забралась в кровать – пружинный матрас скрипел от каждого движения, и она, боясь побеспокоить сестру, замерла, лежа на спине, натянула тонкое одеяло до подбородка и закрыла глаза. В полумраке комнаты было слышно, как Карина тихо перелистывает страницу за страницей, все дальше уходя вслед за индейцами в дикие американские леса, и пара мотыльков бьются мягкими крылышка-

ми о плафон настольной лампы. Где-то далеко промчалась, стуча колесами по рельсам, поздняя электричка, и Даша спокойно уснула после всех переживаний прошедшего дня.

Они не успели причесаться и позавтракать бутербродами с сыром и нарезанными вместо колбасы сосисками, как во входную дверь постучали.

– Кто там?! – Карина, дожевывая бутерброд, выглянула из кухни в прихожую.

– Да мы это! – ответил из-за двери знакомый девчоночий голос.

– Это же те, деревенские! – сжалась на своем стуле Даша. – Карин, не открывай им!

– Да откройте, городские, не бойтесь, мы репьями кидаться не будем! – сказала Катя, как будто услышав ее. – У нас к вам разговор есть!

– Не открывай, Карин! Они врут все! – Даша вышла в прихожую вслед за сестрой.

Но Карина уже сняла дверную цепочку и щелкнула ручкой замка. На крыльце действительно стояли вчерашние девчонки, только одеты они были не в платья, а в шорты из старых обрезанных джинсов и растянутые футболки. Растрепанные вчера волосы у обеих были заплетены в тонкие косички.

– Мы это... – начала старшая и, вдруг запнувшись, хмуро насупилась.

– Вы всегда людям сначала репьи в волосы кидаете, а потом к ним в гости приходите?

– Ну, извините. – Катя пожалала плечами. – Бывает... так мы ж в вас не камнями!

– А че, долго их потом из голов-то вычесывали? – поинтересовалась младшая.

– Некоторые вообще выстригать пришлось, – сказала Даша.

– Ого! – младшая присвистнула. – А...

– У нас к вам дело. – перебила ее старшая. – Мы сегодня с Антошкой Босым и его компанией в индейцев и ковбоев играем, нам людей не хватает.

– А мы тут при чем?

– Да ладно, не дуйтесь, на обиженных воду возят, че вы вообще! – Ленка ковырнула ногтем краску на перилах крыльца. – Вы ж хорошо бегаете – с вами, может, у Босого и его ковбоев выиграем, а то наших девок они за пять минут поймают, как тогда, помнишь, Кать?

Карина оглянулась на Дашу:

– Хочешь с ними в индейцев и ковбоев?

Даше, по правде, совсем не хотелось, но если отказаться, сестра, может быть, вообще ничего больше не станет предлагать, и они просидят весь день дома.

– Я не знаю... – неуверенно протянула Даша.

– Не хочешь?

– Да нет, хочу, конечно...

– Ну, что? – Катя нетерпеливо переступила с пятки на носок. – Нам еще клады прятать, пока они нас ловить не нача-

ли.

– Ладно, поиграем с вами в ваших индейцев, – согласилась Карина, всем своим видом показывая, что делает это только ради младшей сестры, хотя на секунду, наверное, все-таки представила себя Аmandой, которую Босой Орлиное Перо захватил в плен и тащит на веревке через кусты ольхи.

Первый клад решили прятать в зарослях топинамбура за пожаркой – полуразрушенным домом на высоком берегу реки: Катя рассказала городским, что пожарка несколько лет стояла заброшенной после того, как умерли хозяева, а позапрошлым летом Босой с компанией ее подожгли – у, какой был пожарище, в Семрино, говорят, было видно, только горело недолго – ливанул дождь, и пожарка так и осталась стоять, правда, внутрь заходить опасно – пол может провалиться. Вокруг росло несколько кустов смородины, видимо, оставшихся от огорода, большую часть которого захватил топинамбур – теперь он только собирался цвести, но уже вымахал выше человеческого роста и покачивал на тянувшем от реки ветерке листьями в ладонь величиной и округлыми бутонами, из которых выглядывали подсолнечно-желтые лепестки.

– Здесь ни за что не найдут! – Девочка одного возраста с Кариной, но ниже ростом и совсем не такая красивая, присела рядом с Катей, делавшей клад.

Кроме нее, Карины и Даши, за индейцев играла еще одна

девочка из дачниц, уже много лет приезжавшая в деревню к своей тетке, и ее подруга из Семрина – робкая, нескладная, всюду покорно следовавшая за ней и соглашавшаяся с каждым ее словом. У всех на головы были повязаны цветные ленточки с пришитыми к ним петушиными перьями – чтобы понятно было, что они индейцы; у Карины и Кати перья были самые длинные и яркие – из петушиного хвоста.

– Я же говорила, хорошее место, – сказала городская, – сюда они не сообразят полезть.

Ее семринская подруга кивнула и утвердительно хмыкнула.

Катя пожала плечами:

– А они и не полезут, они тебя поймают и выпытают.

– Вот и не выпытают!

– Это как же – выпытают? – Даша почувствовала, что у нее в животе стало как-то неуютно, как перед контрольной по математике.

– Ну-у... как... – пояснила Ленка. – Крапивой там по голым ногам. Или лицо тебе навозом коровьим вымажут. Или в речку загонят тебя у берега, где пиявок полно...

– Не будут они в речку больше, – перебила Катя, – они ее (она дернула головой в сторону Карининой ровесницы) в прошлый раз загнали, так ее бабка пришла к бате Босого ругаться и грозилась заявить в милицию за то, что ее пиявки покусали. – Присев на корточки, она выдрала на небольшом круглом участке траву, разровняла землю ладонями и сдела-

ла по центру аккуратное углубление.

– А вы правда из Москвы или ты это просто так вчера сказала? – спросила Даша у Ленки.

– Ну-у... – неопределенно протянула Ленка.

– Опять, что ли? Подожди, Босого только обыграем, я тебе покажу твою Москву! – Катя положила в углубление сначала немного травы, потом нарванного на опушке леса светло-зеленого мха и наискось – веточку черники с крохотными листочками. Карина протянула ей сорванную у станции розу, она оторвала от розы три лепестка и тоже аккуратно уложила на мох.

– Ага... так...

Карина наклонилась и поправила один из лепестков, Катя посмотрела на нее недовольно, но говорить ничего не стала.

– Гвоздику давайте.

Пурпурную в белую крапинку гвоздику они сорвали на огороде у городской девочки, пока ее тетка развешивала во дворе белье: Ленка упрашивала взять пион, и ей насилу втолковали, что, во-первых, пион в клад не годится, потому что лепестки у него слишком большие, а во-вторых, тетка пропажу пиона обязательно заметит, и назавтра им будет за это нагоняй. Ленка нехотя согласилась и, пока никто не видел, вытащила из грядки пяток еще совсем тощих слабеньких морковок и тут же сгрызла их, едва обтерев от земли о подол футболки.

Катя воткнула в мох несколько цветочков гвоздики.

– Еще бы чего сюда...

Даша, все это время крутившая в руках сорванный просто так бутон топинамбура, положила его на расчищенную землю. Катя взяла бутон, вылущила из него желтые лепестки, расправила их и разложила вокруг цветочков гвоздики, потом накрыла все выпуклым бутылочным стеклышком и с силой прижала.

– Готово!

– Красиво! – Карина наклонилась над «кладом» и дотронулась пальцем до стекла. – Где ты так научилась?

– В школе, где еще учатся. – Катя вытерла руки о траву. – Давай, надо его еще прикрыть как-то, чтобы совсем незаметно было, остальные два сделаем возле моста и под платформой со стороны садоводств. Потом все разделимся и спрячемся так, чтобы они нас до вечера не поймали, в семь все снова здесь собираемся.

– Поодиночке, что ли? – переспросила Даша. – А мы не заблудимся?

– Ну что ты как маленькая! – тут же рассердилась Карина. – Мы же далеко уходить не будем, вся деревня-то – четыре улицы...

– Короче, если кого поймают – про клады говорим, что один на футбольном поле, другой у магазина и третий у бабки Степанихи за тубзиком.

– Так ведь по правилам нельзя во дворах прятать...

– А ниче, пусть они к бабке Степанихе влезут, – хихикну-

ла Ленка, – она их если засекет, проклянет, че, пусть потом чешутся или в тубзик бегают... она ж колдунья!

– Колдунья?

– Ну, она батю нашего как в девяностом прокляла, так он с тех пор и пьет, не просыхая. – Катя сплюнула на землю. – Мать говорила, у нас лампочка над крыльцом тогда перегорела, а новой не было, вот он и полез к бабке Степанихе её-нюю выкручивать, а она в тубзик пошла, увидела, как батя лампочку у нее выкручивает, и прокляла его.

– Да ваш батя и так всегда пил, это вся деревня знает!

– Вот че ты знаешь, че ты знаешь, тебе в девяностом сколько было?

– Мне тетя моя рассказывала, она тут всю жизнь живет и батю вашего знает как облупленного!

– Под платформой-то как будем прятать? Может, лучше у большой канавы? Где тритоны, а?

– У канавы видно будет, тебе че, трудно под платформу залезть? Штаны свои модные бережешь?

Они шли друг за другом по тропинке вдоль реки, задами огородов, чтобы Босой и его компания раньше времени их не отловили. Даша плелась в хвосте, думая о том, что она будет делать, если мальчишки станут бить ее по ногам крапивой, мазать лицо навозом или загонят в реку к пиявкам, – Карина-то, если что, убежит от них, а Дашу они запросто поймают. Ну и ладно, лучше она просто скажет им, где они спрятали клады, и они ее отпустят – кому нужна эта их ду-

рацкая игра... Даша схватилась за травинку, росшую у обочины, но подвернулась крапива, – от неожиданности она отдернула руку, и на глаза снова навернулись слезы от обиды на сестру, на деревенских девочек и на летние каникулы с их индейцами и ковбоями.

За станцией, где начинались садоводства, река поворачивала прочь от деревни, а высокий берег, густо заросший кустами, поднимался обрывом из красной глины, так что никто не ходил туда купаться. Мальчишки поймали Дашу довольно скоро, когда она, устав слоняться по сходящимся к центральной дороге улочкам и стянув с головы ленту с петушиными перьями, вернулась к пожарке и села на согретую солнцем траву, чтобы дожидаться вечера. В траве ползали и перелетали с листа на лист маленькие блестящие синенькие и зелененькие жучки. Было хорошо.

– Ну что, попалась? – Антошка Босой оказался невысоким, на голову ниже Карины худощавым рыжим мальчишкой с конопатым лицом. – Скажешь, где клад спрятали, или пытаться тебя будем?

Остальные, бывшие с ним, улыбались и рассматривали Дашу с любопытством.

– Крапивы боишься?

– Ничего я не боюсь. – Даша сжала в пальцах свою индейскую ленточку. – У бабки Степанихи за тубзиком твой клад.

– Ага, как же... – ухмыльнулся Босой. – Ври больше.

– Ничего я тебе не скажу, – упрямо повторила Даша.

Неразговорчивый толстый мальчик, которому Босой поручил пленницу, пытаться ее не стал – может быть, пожалел, может быть, сам боялся крапивы, и вместо этого повел за станцию к высокому берегу из красной глины: они спустились по узенькой, почти отвесной тропинке к реке, потом долго шли по самой кромке воды, – мальчик шел позади, придерживая Дашу за локоть, а когда она оступилась, сказал только:

– Не бойсь, тут мелко.

Вскоре они дошли до углубления в глине, где как раз могла поместиться девочка вроде Даши, он легонько подтолкнул ее в спину и сказал полезать туда.

– А ты меня сторожить будешь? – спросила Даша.

– Пойду я, – коротко ответил мальчик. – Дела у меня. Мама сказала макаронov купить и сахару, а магаз скоро закроется.

«Вот тебе и вождь Орлиное Перо», – тоскливо подумала Даша.

– А я как же?

– Ну придут они за тобой вечером. Я скажу им. – Он подумал немного. – Ты только это... сама сбежать не пытайся. В воду еще свалишься.

– Ты же сказал, тут мелко.

– Да какой мелко! Глыбь тут, омут, вон! – Он неопределенно махнул рукой в сторону реки. – Тут, видишь, как вы-

соко, а там низко. Омут, значит.

– Омут, – испуганно повторила Даша и, скорчившись в своем углублении, подтянула колени под подбородок и обхватила их руками.

– Да ты не бойсь... они придут за тобой скоро, играть-то еще час-полтора. А я пойду, звиняй.

Даша всхлипнула. В темноте ничего не было видно, только вода в реке слабо поблескивала, и на ясном летнем небе мигали крошечные глазки звезд. Было холодно, руки и ноги затекли от сидения в неподвижности, но ее тюремная камера была такой маленькой, что в ней было толком не повернуться: даже встать во весь рост, не стукнувшись головой о «потолок», с которого свисали всякие корешки и паутинки, у Даши бы не получилось. У самых носков ее сандалий тихо плескала вода. Этот мальчишка небось забыл сказать про нее остальным, а девочки в жизни не догадаются, где она сидит, – они же вообще договаривались, что не заходят на сторону садоводств и прятаться можно только от бетонного моста до поля на одной стороне реки. И Карина ее теперь точно убьет.

– Карина... – жалобно проскулила Даша, еще крепче обхватив колени заочеченными руками, как будто это могло защитить ее от холода. – Карин... ну где же ты...

Даше вспомнилось, как вчера они ехали в электричке и сестра купила ей мороженое, а она его не доела и запихнула в щель между стеной и сиденьем, и проплывавшее за окном здание Павловского вокзала, и мама, наверное, приедет

в субботу или в воскресенье и привезет из города черешню, которую они будут делить по одной ягодке, чтобы точно получилось по-честному.

– Карина! – изо всех сил закричала Даша. – Ка-ри-на! Ка-ри-и-ин! Я зде-есь! Ка-ри-ина, где-е ты-ы?!

– Да-аша! Дашенька, ты здесь?! – неожиданно откуда-то издалека, совсем-совсем тихо ответил голос старшей сестры. – Дашенька, подожди немного, мы сейчас к тебе спустимся!

Даша подскочила, чуть не ударившись головой о потолок, и снова закричала – просто так, от радости. Совсем скоро послышался треск веток – видимо, сестра спускалась к ней по той самой тропинке, ведущей к воде, и голос Ленки:

– Ну, че, я же сказала, они ее в пещеру потащили! Опять, козлы, правила нарушают!

– Это все игра ваша глупая!

– Че сразу глупая, вот че сразу глупая-то? Нормальная игра! Приехали тут такие, самые умные!

– Дашенька, подожди, мы сейчас! – крикнула Карина. – Ты только не бойся!

– Да я и не боюсь, Карин, – тихо, так, чтобы сестра не слышала, сказала Даша и, придерживаясь рукой за глиняную стену, высунулась наружу. Теплый воздух дохнул ей в лицо: завтра они обязательно купят в магазине зефира и пряников и все вместе пойдут на пляж купаться. Из-за поворота не было видно шедших к ней друзей, только широкая блестящая

лента реки уходила в ночную темноту и где-то далеко перекатывалась через сложенную из камней запруду.

Сергей Кубрин

Родился в 1991 году в Пензенской области.
По образованию юрист, работает следователем.

Публикации в толстых литературных журналах («Урал» «Волга» «Октябрь» «Сибирские огни»), автор книги «Между синим и зеленым» (2019), лауреат международной литературной премии «Радуга», финалист литературной премии «Лицей».

Начальник тыла

За несколько часов до Нового года пришел в отдел заявитель. Обычный работяга с красным от мороза лицом. В меру трезвый. Здоровый такой, зубастый.

– Обманули, – говорит, – деньги заплатил, удовольствия – никакого.

Жарков недовольно принимал заявление. Дежурил он в резервной группе и собирался к полуночи быть дома. Если тихо и спокойно, дежурный отпустит. А тут, здрасте, приехали, очередное мошенничество. Немного сбавил обороты, когда потерпевший объяснил, что решил снять проститутку, а развели как пацана. Все, что было связано с интимными вопросами, Жарков любил до безобразия.

– Я весь год, как ишак, пахал, – оправдывался мужик, – у меня хозяйство ого-го.

– Без подробностей давай, – остановил Гоша.

– Свиней – шесть, две коровы, козы, – продолжал несчастный.

– А, – растерялся оперативник, – ну да, я понял.

– Вот и решил хоть в праздник расслабиться.

Нашел в интернете объявление, в город сюда приехал. У нас в деревне-то бабы нормальные, и жена у меня – хорошая, честно говорю. А тут... да сам понимаешь, захотелось.

В последние месяцы в районе удалось прикрыть два массажных салона, где «приятное» возвышалось над «полезным», прячась под маской запрещенных услуг в исполнении горячих девушек, белых и черных, крупных и тоненьких, любых – плати только деньги. Искоренить «квартиранток» – тех, кто работал в домашних условиях, сотрудники не могли. Порочные «блатхаты» размножались быстрее, чем успевали их обнаружить. Да и бороться с тем, что приносит радость, не совсем правильно.

– Да? – спросил Жарков.

– Да, – ответил заявитель, не разобрав, с чем согласился. На все был готов, лишь бы вернули деньги. – Я ползарплаты, считай, отдал. Жена убьет, когда узнает. Что мне вот говорить?

– А ты не говори.

– А деньги? Спросит.

– Скажи, хотел подарок сделать. Заказал в интернете что-нибудь. Чего она там любит у тебя. Деньги перевел, а товар не получил. Даже врать почти не придется. И ей приятно, и тебе – гора с плеч.

– Ага, – взбодрился мужик и раскраснелся еще больше, – она поест любит хорошо. Так, наверное, и скажу: заказал

тебе конфет дорогих. На семь тысяч.

– Семь косарей? – охренел Гоша. – Ты какую богиню отжарить собирался?

– Не знаю, – пожал мужик плечами, – на фото вполне себе, на-ка, посмотри.

Открыл сохраненную страницу в телефоне. Стройная брюнеточка с третьим, наверное, размером. И спереди хороша, и сзади. Сзади особенно.

У него в адресной книге много было подобных обозначений: «пункт приема», «вывоз металла», «глава района» – лишь бы не заподозрила ничего супруга. Станешь тут конспиратором, когда и хочется, и может, а нельзя.

Жарков одобрительно кивнул и посоветовал картинку удалить, чтобы жена не обнаружила. Сам он имел горький опыт и знал, о чем говорит.

– Удалю-удалю, – отвечал потерпевший и все глаз не сводил с экрана.

Несло от него крепким мужским потом, застоявшимся и непобедимым. Круглое широкое лицо с твердой угреватой россыпью, зубы, как на подбор, все в разные стороны, волосы – и те растрепаны, сальные, жесткие, рыжие-рыжие.

Жарков тоже размечтался и закурил прямо в кабинете. Заявитель болтал без умолку. Приехал, говорит, на адрес, позвонил. Стой, сказала, жди, сейчас назову номер квартиры. Стоял и ждал. Еще раз звонил. Опять – жди. А потом те-

лефон отключила, трубки не брала. Три часа, говорит, прождал, замерз. А что делать. Надо было туда-сюда сначала, а потом деньги.

– Сейчас-то что рассуждать. Ни любви, ни денег.

– Ладно тебе, не кипешуй, – сказал Жарков, – придумаем что-нибудь. Номерок остался?

Мужик продиктовал цифры. Гоша старательно их набрал и сохранил в контакты под именем «Начальник тыла» с намеком на лучшие формы заднего плана. У него в адресной книге много было подобных обозначений: «пункт приема», «вывоз металла», «глава района» – лишь бы не заподозрила ничего супруга. Станешь тут конспиратором, когда и хочется, и может, а нельзя.

– Если нельзя, но хочется, то можно, – выдал Жарков, и потерпевший опять согласился.

Набрал номер, трубку подняли после второго гудка.

– Але, – очень бодро ответил женский голос.

– Але, – повторил Гоша максимально серьезно. Он к подобным разговорам всегда относился очень внимательно и не допускал развязных речей, щекотливых усмешек.

– Да, привет, – уже мягче продолжила девушка, – я слушаю.

– Работаешь? – Жарков произнес ключевое слово, после которого разговор подлежал окончательной развязке.

– Работаю, – игриво продолжила, – что хочешь?

– Что-нибудь да хочу, – по-прежнему скупно и сухо нагне-

тал оперативник. Женщинам такое нравится. Любим – порядочным и не очень, честным и обманщицам. – Свободна?
– Свободна, если трезвый.

Она сообщила адрес (все верно, тот же самый) и сказала позвонить по приезду. Обычная схема подобных свиданий, ничего подозрительного.

Поехали вместе, но Жарков сказал, что пойдет один.

– Сиди в машине, не светись. Она через окна палит.

Пока не приду – не высовывайся. Ага?

– Ага, – принял к исполнению потерпевший.

Гоша снова позвонил, и та сообщила номер квартиры. Никакой предоплаты, никаких переводов. Никакого, что ли, обмана? Терпила сразу деньги переводил на карту. Может, другая схема, новый какой-нибудь развод.

Он постучался, хотя смотрела на него кнопочка звонка.

Убедилась через глазок – тот самый: красивый и вроде бы адекватный. Открыла дверь. С таким бы всю жизнь провела. Разрешила пройти. Сразу обозначила: разуваться – тут, куртку – сюда, душ – там.

Гоша мыться не собирался, но раз велено, значит, надо. Постоял недолго под водой, обвязался полотенцем и вышел. Он, честно говоря, не думал, что называется, предаваться скоротечной любви, а только хотел разобраться в произошедшем. Но, переступив порог и оценив хозяйку (соответствие фотографии – сто процентов), согласился, что в канун праздника действительно можно. Нечасто он позволял себе

такие вот мероприятия, а тут – сам бог велел. А если не бог, то – заявитель. Работа обязывает, служба заставляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.